

ЧЕЛОВЕК. НАУКА. КУЛЬТУРА

УДК 101.1:316

DOI: 10.26456/vtphilos/2021.1.007

ФИЛОСОФИЯ И ЛИТЕРАТУРА: ДВА ТИПА САМОСОЗНАНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА (СТАТЬЯ 1)

В.В. Ильин*, **А.Г. Хайруллин****, **Б.А. Хайруллин****, **Е.К. Шаура*****

*Калужский филиал ФГБОУ ВО

«Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана
(национальный исследовательский университет)», г. Калуга

**Набережночелнинский институт (филиал) ФГАОУ ВО «Казанский
(Приволжский) федеральный университет», г. Набережные Челны

***ФГАОУ ВО Московский государственный институт
международных отношений (университет) Министерства иностранных дел
Российской Федерации», г. Москва

Философию и эпические формы литературы единит «миссия» – «человечность» освоения гуманитарных сюжетов. Но различает «орудие» тематизации судьбы человечности. Философия преодолевает предметную детализацию мысли, вырывается из стесняющих обстоятельственных границ, расторгает условность жизненного материала, не налагает на себя поведенческих уз. Преодолевает она и каноны жанровых систем, композиционных конструкций, тенденции стиливого самовыражения. В отличие от литературы философия добивается универсальности трактовок универсальных возможностей, данных не в образах, а в идеях, не в сценах, а в отвлечениях.

Ключевые слова: философия, искусство, литература, самосознание.

Рассмотрим отношение философии и литературы как двух типов практически-духовного, реализующих ответственную миссию представления универсального самосознания человечества.

Символическая общность

Символическое разворачивание ориентировано на жанровые (родовые, сюжетно-стилистические) системы отсчета, специфицирующие образные выражения. Творческие воплощения, художественные преобразования, пересоздания мира идут с использованием разных технических решений – созвучий (музыка); палитры, перспективы, игры света–тени (живопись); пластики (балет); вокала (пение); сценического действия (театр, кинематограф); «плетения словес» (литература); резьбы, высекания, лепки,ковки, отливки (скульптура, архитектура). Это – экстенсивно.

Интенсивно художник, как философ, – апеллируя к мотто Ницше, – человек, несущий наибольшую ответственность за тотальную эволюцию человека. Не упустим: наибольшую ответственность за тотальную человеческую эволюцию. Ни много, ни мало: речь – о вселенской роли,

© Ильин В.В., Хайруллин А.Г., Хайруллин Б.А., Шаура Е.К., 2021

величайшей миссии, доверяемой выдающимся по призванию. Кто попадает в круг избранных? Отмеченные «искрой божьей». Способные быть центром, душой, обостренным самосознанием. Не надо скромничать, ограничивая претензии, – именно: центром, душой, самосознанием. Времени. Народа. Человечества.

«Я с веком поднимал болезненные веки», – признавался Мандельштам. О чём признание? О творческом назначении – в проявлении мастерства даровать прозрение:

Народу нужен стих таинственно родной,
Чтоб от него он вечно просыпался.

Мандельштам

Соответственными мотивами буквально пропитана, наводнена чувствительная беллетристика:

Лермонтов: (голос поэта. – *Авторы*)
Звучал, как колокол на башне вечевой
Во дни торжеств и бед народных;
Есенин: Мешал я спать стране родной;
Твардовский: Я за все кругом в ответе
или: Я жил, я был – за все на свете
Я отвечаю головой;

Рембо: ...поэт – поистине, похититель огня. Он отвечает за человечество... Еtc.

Философия есть самосознание от имени разума, схватывает «эпоху в мысли». Искусство есть самосознание от имени образа, схватывает «эпоху в символе».

«Все в этом мире есть символ», – озадачивает Гете. Сентенция выказывает справедливость лишь в эпизоде неординарного сознания, обладающего редким талантом пробуждать и возбуждать символическое. В искусстве как символической сфере (и в самом символе) первостепенны:

- обозначение;
- предзнаменование;
- значительность (смысловая избыточность).

В отличие от утилитарного, активирующего рассудочно-аналитическую сторону, символическое активирует фабульную сторону, предписывающую руководствоваться не «причинностью», а «превосходительностью» (символ по-гречески означает столкновение различного, выступающее сигналом, знаком, приметой, предзнаменованием более значительных явлений [6, с. 93]).

Закон символического – закон «превосходительного», вытекает из кодекса избранничества натур творческих, призванных:

Молиться всегда неземному
В нашем хотенье земном.

Бальмонт

И через это – самоисключительно вставляя себя в твердые рамки вечного:

Среди людей ты божества наместник,
Так помни, чтоб в словах твоих был бог.

Бальмонт

Мотив божественного масштаба, долга представительства в мирском божественного, высшей богоравной участи вершителя дел людских от искусства является знаковым лейтмотивом самосознания обсуждаемой практически-духовной формы символического. Ограничимся отсылкой к Хлебникову: «Мы — новый род люд-лучей. Пришли озарить вселенную» и Кюхельбекеру:

А я – и в ссылке, и в темнице
Глагол господень возведу.

Итак, макет оперативного исполнения системы миропредставления вне дискурсивных овеществлений способно предлагать искусство (вспомнить хоть лихолетие полного застоя философской деятельности во второй трети прошлого века, когда в лице Галича, Окуджавы, Высоцкого, Трифонова, Розова, Тендрякова, Астафьева, Белова и других проницательных деятелей прекрасного именно сопредельная сфера художественного опыта брала на себя благородную миссию выражения чаяний времени), рядившее писателя (поэта, прозаика) в тогу пророка, выразителя судьбы человека и человечества (Байрон, Шелли, Белинский, Шеллинг и др.).

Некий резон в кругу такого рода претензий есть: жизнь самоценна, образное схватывание чего осуществляет искусство. Поскольку отобразительные возможности его не обладают чертами всеобщности, необходимости, замысливалась имплантация научной методы в его лоно (Бальзак: «Я – секретарь общества»; романистика – «опись пороков и добродетелей»; Флобер: «... большое искусство должно быть научным и безличным»; искусство следует снабдить неумолимым методом и точностью естественных наук [5, с. 15]; Золя: «... хочу быть ученым, изучать факты, изображать их – вот и вся моя задача»; Франс: «...наука без литературы схематична и груба; литература без науки пуста, ибо сущность литературы есть знания» и т. д.). Тщетно.

Во-первых, сращение научного и художественного – приговор художественному (ср.: гегелевский замысел интеллектуализации искусства прививкой панлогистской реконструкции существенного).

Во-вторых, искусство и философия решают схожие, но инструментально разнокалиберные задачи. Художественное отображает самодостаточность, полноту жизненного, не требуя логических оправданий; способ освоения предметной базы (движения в материале) здесь – эстемность. Так, любовь самоценна, не взыскует мыслительных оправданий. Философское, хоть и апеллирует к самодостаточности, полноте жизнен-

ного, проводит оправдание представляющих его идеалов; способ овладения предметной базой здесь – ноэмность. Дискурсивно гиперболизуется не протекание чувства в реальности (апофеоз искусства), а некая абстрактная модель подобного протекания, преподносимая как идеальное состояние.

Романтическая программа блока искусства с философией не выполнима (ср.: выдвинутая Д. Веневитиновым идея «неразлучной с философией» новой поэзии, конкретизирующая платформу искусства как «органа» философии). Откуда – тезис: философский идеалонесущий тип смысло-, жизнеориентировки – уникальный (по методическому функционализму) и универсальный (по методологическому функционализму). И исполняется он исключительно дискурсивно и системообразно, что неприемлемо для искусства, где образная жизнь «бледнеет», обращаясь в мысль. Не берущая в расчет сказанное экзотическая линия Шеллинга – немецких романтиков, настаивающая на превращении (ради чего?!) философии в искусство, игнорирует невозможность философии организовывать внутреннее мыслеоправдание не ноэматическим (логическим), а эстетическим (интуитивным) способом.

Искусство упивается изобразительностью (в случае литературы «божественный глагол» – слово); философия упивается выразительностью (в случае теории, теорийности – слово-мысль). Вопреки де Лилию, философия, наука, искусство не готовы смешаться воедино.

В отношении характера освоения реальности наука, искусство, философия руководятся разными творческими стратегиями.

Прагматика: дело науки – отображая, преобразовывать; дело искусства – изображать, озарять; дело философии – выражая, преображать.

Базис: наука держится правдой фактов, комбинирует понятиями; искусство держится правдой авторского «себя», комбинирует образами; философия держится правдой идеала, комбинирует категориальными универсалиями (гиперонимами).

Интенция: наука ищет и находит общее; искусство ищет и находит типическое (общая конкретность); философия ищет и находит всеобщее.

Инструментарий: наука использует абстрактные выражения; искусство использует конкретные выражения (в опыте литературы – абстрактные слова детализируются конкретными словами); философия использует абстрактно-конкретные выражения методом дочерпывающего восхождения от абстрактного к конкретному (ср.: Хайдеггер: философские постановки оставляют исследование открытым) [9, с. 235].

Телеология: наука вводит масштаб реальности; искусство вводит масштаб художника (творческая личность – авторская самость); философия вводит масштаб Времени (та же эпохальная экспозиция мировой истории по матрицам-архетипам: Античность, Средневековье – «созерцание»; Новое время – «рефлексия»; Новейшее время – «коммуникация»; Современность – невзирая на цифровизацию – «креация»).

План содержания и план выражения

Содержание и форма, мыслительный и выразительный момент (минуя дежурные уверения в их диалектической взаимопроникаемости – форма содержательна; содержание формально) в идеале уравниваются в литературном произведении, но вступают в подчинительные отношения в произведении философском. Текстовая фиксация философских идей крепится на примате (первенстве) содержательного компонента творчества.

Эвристическую сверхзадачу философствования представляет не самовыражение, но символически программирующая доктринация действительности под фирмой надындивидуального закона, канона, правила, распорядка существования и в части существенного «содержания разумности», и в части «свободной воли» (Гегель).

Лишенное придающих дополнительные возможности заявления императивов «формы» художественных (лирических, фантастических, легендарных, романтических и пр.) доминант, философствование выстраивается по закрепленным структурным особенностям организации научной прозы (жанрово-видовая релевантность трактату): исключение тропного слога; логическое, эмпирическое оправдание; начало достаточного основания; абстрагирование; квантификация; гиперонимизация и т. п.

С текстовым воплощением философии – голосом в «разговоре человечества» [10, с. 264] – трактатом сближается литературный роман (эпопея), – сближается рядом приводимых к твердой традиции признаков. А именно: масштабностью, значительностью, временной протяженностью, глубиной тематизации, разветвленностью проблематики, тотальностью охвата сущего. Упомянем монументальные высказывательные полотна: «Энеиду» Вергилия, «Генриаду» Вольтера, «Россиаду» Хераскова, «Войну и мир» Л. Толстого, «Тихий Дон» Шолохова, «Ругон-Маккары» Золя, «Хождение по мукам» А. Толстого, «Сагу о Форсайтах» Голсуорси, «Семью Тибо» Мартена дю Гара, «Жизнь Клима Самгина» Горького, «Жана Кристофа» Роллана.

Философия, как и литературная эпика, суть «живая душа культуры» [8, с. 105], но в отличие от сферы художественного заявляемая не формой «идеи – страсти», пестуемой «всею полнотою и целостью» нравственного бытия автора [1, с. 312], но формой идеи, пестуемой лишь разумно-рассудочной частью авторской организации.

На данном резоне философия, избегая романического бесконечного «лабиринта сцеплений» (Толстой), соединения несоединимых инерций, ограничивается дискурсивной (и только! – при всем многообразии осуществлений) проработкой культурных реалий. Но не в этом одно дело.

В литературе явен подспудный жанрово-видовой крен: направленность на объективное (эпос, драма) и субъективное (лирика). Ничего подобного не просматривается в философии, не имеющей жанровой (жанрообразующие типажи), но имеющей функциональную привязку – быть нормативным, телеологическим руководством человечества.

Подобно литературе философия есть «сокращенная Вселенная» (Салтыков-Щедрин), но исполняемая по верховодительству содержательного функционально аутентичного канона. (На основании сказанного – литературе вменяется поддержание художественности, тогда как философии – академичности).

Мировидение

Урегулированная версификация действительности воплощается в создаваемой философом серии концептуальных образов, интегрируемых в символическую систему целостного универсума, отмеченного печатью авторства. Мир философа суть объемная сценография реальности, выполняемая с участием изощрённого изобразительно-выразительного (технического) инструментария, позволяющего различать творческие платформы (темперамент, симпатии, гражданское кредо, методологические, гносеологические, аксиологические ориентации и т. д.) профессионалов.

«Живопись изображает тела и опосредованно, при помощи тел, движения. Поэзия изображает движения и опосредованно, при помощи движений, тела», – писал Лессинг [4, с. 423]. Философия изображает идеал и опосредованно, при помощи идеала, реальность. Она берёт реальность через идеал и идеал через реальность; мир её – «телесно устремлённо движущийся», отображающий меру причастности, приближённости идеалу.

Коль скоро основу философской символики образует восхождение к идеалу, концептуальная динамика тематического развёртывания мировидения должна моделироваться под углом зрения идеалоправдания.

Формообразующее начало философствования – сущностная, существенная экспозиция – переживание, упрочение – событийного, бытийного, судьбического идеала; всё остальное – её обслуживание.

Проблематизируя, как жить без понятия высшего (смысл, близость, благодать), философия всякий раз (и всякий раз заново) добивается аутентичного видения и ведения, сообщающего экзистенциальное, социальное, моральное, ментальное мужество утверждения человеческой необходимой природы вопреки тому, что есть в ней случайного [11, с. 13].

Правило философии – тематизация обязательств духа перед жизнью, действительностью – обязательств, которые, надо признать, крайне скверно им исполняются [7, с. 330].

Все прочее – тенденция: единое – многое; универсальное – уникальное; вера – разум; быть – казаться; критика – апологетика; ясное – смутное и т. д., проводящая огранку правила.

Сопоставимые с философским охватом реальности данности художественного опыта – Веды, Илиада, Библия, Манас и т. д., претендующие на выражение человечности как тотальности, конструируются по схеме сцепления образов, универсальным поставщиком которых является язык. Не язык – инструмент писателя, выводит Бродский, писатель – средство языка. Начиная стихотворение, поэт «не знает, чем оно кончится, и порой оказывается очень удивлён тем, что получилось, ибо часто получается лучше, чем он предполагал, часто мысль его заходит дальше, чем он рассчитывал» [2, с. 823].

Говоря о таинственности поэзии, Борхес упирал на недосказанность, содержательную бездонность: поэтические художественные контексты незнаемы, так как самоизбыточны, необозримы, беспредельны; не допускают в оценках применения заранее установленных масштабов.

Аналогично поэзии философия, стремясь делать нечто понятным, намечает в ясном – загадочное, осваивает таинственное. Подобно художественным (едва не сакральным) философские тексты не прозрачны, тематически плотны. Недоуточненность изъяснений философа (ср. «темнота» Гераклита, Гегеля, Хайдеггера) – не недостаток, но преимущество. Преимущество задействия смысловой излишественности, приближающей к постижению трудно выразимого. Неявность, многозначительность философских формулировок обеспечивает неформально-неформализуемые размышления, в греческой традиции – даймонион.

Выделим: получается «лучше», мысль заходит «дальше». Почему? Откуда? В какой связи? Приемлемое объяснение одно: «лучше», «дальше» – от совершенства, глубины организующего мысль языка [3]. Не располагая опытом знания жизни, художник замещает его умением представлять её в иносказательном, ввергающем в смысловые бездны слове.

Адекватно изображаемый мир имеет соответственное структурное, выразительное, стилевое подкрепление. Сакраментальное – каким образом поэт знает бытие? – имеет лишь одну вразумительную трактовку: в отсутствие экзистенциального опыта выражение сущностного в мире, осуществляясь глубоко интимно и вполне свободно, делается возможным, благодаря комбинированию экспрессивными символическими формами по законам красоты. Знание бытия возникает не в достижении «неизвестного расстройством всех чувств» (Рембо), но в творческом, креативном порыве, когда возвышенная «культивированная душа» производит сопряженное с ней символическое сущее.

Философские раритеты конструируются по схеме сцепления понятий. Уточним: как именно? Расхожий ответ: за счёт озарения, наития – судьбы. Между тем «судьба» в ее рефлексивной реконструкции не есть

«темный фатум»; она есть реверсивное взаимодействие «автор – мир». Помимо того, судьбу имеет тот, кто имеет свободу – свободу действия, выбора, утверждения; лица, лишённые этого, судьбонеобремененны [12, с. 183–184].

Не впечатляют и догадки (первоисточные экспликативные веяния) Платона (контакт с потусторонним – испытать из Леты «глоток сомнения и злобы» («Федр»)), стоиков (допущение связывающего автора с сущим разума – гегемоника), Прокла, (декларация «озарения», где сознание, единая с сущим, проникает в его сущность), Гуссерля (акцент «откровения», «озарения»). Эзотерика, мистика (многочисленные учения о творческом «безумии» – Декарт, Шеллинг, Верлен, Рембо, Блок, Вагнер) – но не строгая теория.

Невозможно выстраивать рассуждение по способу достижения высокого, основательного в обход дискурсивного (нижний порог которого – вербализация). Некомпенсированный порок указанных объяснительных линий – выход в нечеловеческоразмерный мир, где разум – меньше сверхчеловеческой силы.

Положительное решение вопроса заключается в представлении того, что сцепление понятий управляется гармоническими зависимостями совершенства формы (выверенность композиционного строя) и содержания (выверенность сюжетного строя).

Литературе позволительно ограничиваться «частным», «злободневным»; философия осваивает «общечеловеческое» – инвариантное в заявлении, проявлении человечности *ad rem*. Даже если литература (в эпопее) воспаряет до общечеловеческих интересов (взаимность – отчужденность; жизнь – смерть; добро – зло; любовь – ненависть и т. д.), она замыкает движение мысли на конкретный материал – расстановка характеров, определенность хронотопов, социальных явлений, поступков героев и т. п.. Последнее заповедно философии, приспособляющей мыслительное движение к овладению материалом абстрактным, выведенным за конкретную сетку обстоятельств, разум, идея, воля, природа и т. д. «вообще» в их тотальной значимости – под видом «в себе» стихии.

Литературу и философию разлучают приемы организации уникально и универсально, конкретно и абстрактно, эстемно и ноэмно, художественно и умозрительно прочувствованного, одействованного космоса.

По миссии «миротворчество» призвания философии и литературы совпадают. Ограничимся отсылкой к казовым соображениям

Тютчева:	По высям творенья, как Бог, я шагал, И мир подо мною недвижно сиял;
Мандельштама:	Недоволен стою и тих Я, создатель миров моих.

Призвания их расходятся в операциональном удостоверении митротворческой миссии апелляцией к художественной (эстема) и концептуальной (ноэма) телеологии.

Список литературы

1. Белинский В.Г. Полное собрание сочинений: в 13 т. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1955. Т. 7. 740 с.
2. Бродский И. Малое собрание сочинений в одном томе. СПб.: Азбука, 2017. 880 с.
3. Ильин В.В. Теория познания. Символика. Теория символических форм. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2013. 384 с.
4. Лессинг Г.Э. Лаокоон, или О границах живописи и поэзии. М.: Гослитиздат, 1957. 519 с.
5. Литературные манифесты французских реалистов / под ред. и со вступ. статьёй М.К. Клемана. Л.: Изд-во писателей, 1935. 206 с.
6. Лифшиц М. Мифология древняя и современная. М.: Искусство, 1980. 582 с.
7. Манн Г., Манн Т. Эпоха. Жизнь. Творчество: переписка, ст. М.: Прогресс, 1988. 492 с.
8. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1955. Т. 1. 723 с.
9. Heidegger M. Holzwege. Frankfurt am Main: Klostermann, 1957. 345 S.
10. Rorty R. Philosophy and the Mirror of Nature. Princeton: Princeton University Press, 1979. 208 p.
11. Tillich P. The Courage to Be. New Haven, London: Yale University Press, 1952. – 212 p.
12. Tillich P. The Systematic Theology. Chicago: The University of Chicago Press, 1951. V. 1. 321 p.

PHILOSOPHY AND LITERATURE: TWO TYPES OF SELF-CONSCIOUSNESS OF HUMANITY ARTICLE 1

V.V. Pyin*, A.G. Khairullin, B.A. Khairullin**, E.K. Shaura*****

*Kaluga Branch of the Bauman Moscow State Technical University
(National Research University), Kaluga

**Naberezhnye Chelny Institute of Kazan Federal University, Naberezhnye Chelny

***Moscow State Institute of International Relations (University)

Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow

Philosophy and epic forms of literature are united by the «mission» – the «humanity» of mastering humanitarian subjects. But they are distinguished by the «tool» of the human destiny thematization. Philosophy overcomes the objective details of thought, breaks out of the confining circumstantial boundaries, breaks the conventionality of the material of life, and does not impose behavioral ties

on itself. It also overcomes the canons of genre systems, compositional structures, and trends in stylistic self-expression. Unlike literature, philosophy strives for the universality of interpretations of universal possibilities, given not in images, but in ideas, not in scenes, but in distractions.

Keywords: *philosophy, art, literature, self-consciousness.*

Об авторах:

ИЛЬИН Виктор Васильевич – доктор философских наук, профессор кафедры «Общественные науки» Калужский филиал ФГБОУ ВО «Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана (национальный исследовательский университет)», г. Калуга. E-mail: vvilin@yandex.ru

ХАЙРУЛЛИН Аскар Гафиятуллович – доктор философских наук, профессор кафедры социально-гуманитарных наук Набережночелнинский институт (филиал) ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет», г. Набережные Челны. E-mail: askar58@mail.ru

ХАЙРУЛЛИН Булат Аскарлович – кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики предприятий и организаций Набережночелнинский институт (филиал) ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет», г. Набережные Челны. E-mail: presario87@yandex.ru

ШАУРА Елена Константиновна – кандидат философских наук, доцент, докторант ФГАОУ ВО Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации», г. Москва. E-mail: aperon@mail.ru

Authors information:

ILYIN Viktor Vasilyevich – PhD, Professor of the Department of Social Sciences of the Kaluga Branch of the Bauman Moscow State Technical University (National Research University), Kaluga. E-mail: vvilin@yandex.ru

KHAIRULLIN Askar Gafiyatullovi – PhD, Professor of the Department of Social and Humanitarian Sciences of the Naberezhnye Chelny Institute of the Kazan Federal University, Naberezhnye Chelny. E-mail: askar58@mail.ru

KHAIRULLIN Bulat Askarovich – PhD (Economic Sciences), Associate Professor of the Department of Economics of Enterprises and Organizations of the Naberezhnye Chelny Institute of Kazan Federal University, Naberezhnye Chelny. presario87@yandex.ru

SHAURA Elena Konstantinovna – PhD, Associate Professor, Doctoral Student of the Moscow State Institute of International Relations (University) MFA of the Russian Federation, Moscow. E-mail: aperon@mail.ru